

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ
(ПО ОТРАСЛЯМ И СФЕРАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)
(ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 330.34.01:338.43

DOI: 10.53914/issn2071-2243_2022_2_105

**Современная концепция экономического развития:
направления, модели, роль аграрного сектора**

Александр Александрович Тютюников^{1✉}, Татьяна Васильевна Закшевская²

¹Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиал ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр имени В.В. Докучаева», Воронеж, Россия

²Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия

¹tytnn@rambler.ru✉

Аннотация. Приведены обзор и обобщение избранного ряда научных работ, посвященных современной проблематике экономического роста и развития. Предпринята попытка структурировать и синтезировать научное знание, накопленное в данной предметной области. Основные направления современной теории экономического развития были рассмотрены с позиций разницы во взглядах на сущность феномена экономического развития, в подходах к сегментированию факторного пространства экономического роста и развития, в аналитических и методологических предпочтениях исследовательских программ, а также в предлагаемых механизмах и инструментах управления экономическим развитием. Отдельное внимание было уделено роли аграрного сектора экономики, рассматриваемого в качестве источника факторов и условий экономического развития. Для выполнения данных задач были изучены модели экономического роста и развития, предложенные в рамках конкурирующих концепций. В результате проведенного исследования были очерчены и обобщенно охарактеризованы пять основных течений современной теории экономического развития: 1) теория линейных стадий роста, основанная на синтезе неокейнсианской экономической теории, формационного подхода и идеологии «большого толчка»; 2) теория структурных изменений, сконцентрированная на поисках путей улучшающей трансформации неоднородного экономического пространства; 3) теория зависимого развития, ставящая во главу угла центр-периферийные дуалистические отношения разделения труда и экономической эксплуатации между странами, регионами и территориями; 4) неоклассическая теория развития, основанная на идеологии свободного рынка и исследованиях ограниченного круга макроэкономических факторов, подлежащих регулированию в рамках рыночно ориентированной государственной политики; 5) институциональная теория развития, в рамках которой изучаются изменения механизмов воспроизводства состоявшихся практик, правил и ограничений социально-экономических взаимодействий.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономический рост, модели экономического развития, теория линейных стадий роста, теория структурных изменений, теория зависимого развития, неоклассическая теория развития, институциональная теория развития

Для цитирования: Тютюников А.А., Закшевская Т.В. Современная концепция экономического развития: направления, модели, роль аграрного сектора // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2022. Т. 15, № 2(73). С. 105–125. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_2_105-125.

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF THE NATIONAL ECONOMY
(BY BRANCHES AND FIELDS OF ACTIVITY)
(ECONOMIC SCIENCES)

Original article

**Contemporary concept of economic development:
tendencies, models and agricultural sector role**

Aleksandr A. Tiutiunikov^{1✉}, Tatiana V. Zakshevskaia²

¹Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – Branch of Federal Government Budgetary Scientific Institution “Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V.V. Dokuchaev”, Voronezh, Russia

²Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia

¹tytnn@rambler.ru✉

Abstract. The authors provide an overview and generalization of a selected number of scientific papers devoted to modern problems of economic growth and development; made an attempt to present in a structured fashion and synthesize scientific knowledge accumulated in area under discussion; considered main directions of the modern economic development theory, from the standpoint of the difference in views on economic development phenomenon essence, in approaches to segmenting the factor space of economic growth and development, in the analytical and methodological preferences of research programs, as well as in the proposed mechanisms and tools for managing economic development. Special attention was paid to the agricultural sector considered as a source of economic development factors and conditions. To accomplish these tasks, economic growth and development models proposed within the competing framework concepts were studied. As a result of the study, five main currents of the modern economic development theory were outlined and generally characterized: 1) the linear-stages theory, based on the synthesis of neo-Keynesian economic theory, the socio-formational approach and the big push concept; 2) the structural-changes theory, focused on finding ways to improving transformation of heterogeneous economic space; 3) the dependence theory, which points the center-periphery dualistic relations of the labor division and economic exploitation between countries, regions and territories; 4) neoclassical theory of development, based on the free market ideology and studies of macroeconomic factors limited range that are subject to regulation within the market-oriented state policy framework; 5) institutional theory of development, which studies changes in the reproduction mechanisms of established practices, rules and restrictions of socio-economic interactions.

Keywords: economic development, economic growth, models of economic development, linear-stages theory, structural-changes theory, dependence theory, neoclassical theory of development, institutional theory of development

For citation: Tiutiunikov A.A., Zakshevskaia T.V. Contemporary concept of economic development: tendencies, models and agricultural sector role. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2022;15(2):105-125. (In Russ.). https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_2_105-125.

Введение
Проблематика экономического роста и развития, проявляющаяся в контексте рассуждений о природе богатства государства и источниках его увеличения, является характерной уже для экономической мысли Нового времени. Концепция влияния на процесс обогащения страны величины и пропорций сбережения и потребления произведенного продукта оформляется в середине-конце XVIII в. под влиянием взглядов А. Тюрго, А. Смита и Д. Рикардо. В работах Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж.С. Милля формируется концепция внутренних ограничений экономического развития.

Исследование К. Марксом нормы прибыли и строения капитала лежит в основе концепции качественной взаимозависимости процессов экономического развития, научно-технического прогресса и распространения инноваций, впоследствии тщательно разработанной в теориях созидательного разрушения экономической структуры (В. Зомбарт, Й. Шумпетер) и длинных экономических циклов (Н.Д. Кондратьев, С. Кузнец, Й. Шумпетер). Марксов метод анализа расширенного воспроизводства в дальнейшем послужил важным элементом теоретической и методологической базы моделирования межотраслевого баланса (В. Леонтьев, Р. Стоун и др.) и разработки дуалистических моделей экономического развития (Г.А. Фельдман, П.Ч. Махаланобис, У.А. Льюис, Дж. Фей и Г. Ранис).

Таким образом, можно говорить о том, что исторический базис теории экономического роста и развития был заложен в результате исследования ряда аспектов общественного воспроизводства в рамках классической политической экономии, а именно:

- факторов роста национального богатства,
- взаимовлияния темпов роста численности и доходов населения,
- равновесия экономических систем,
- поведения экономических агентов в условиях конкуренции и монополизма,
- накопления материального капитала в условиях убывающей отдачи ресурсов,
- механизма распределения потребительских и капитальных продуктов между различными сферами производства,
- роли государственной власти в процессе планирования и контроля экономики.

Несмотря на то что представители классической политэкономии не сформулировали целостных специализированных теорий экономического роста, они верно опре-

делили, что его основным источником является часть совокупного общественного продукта, накапливаемая и реинвестируемая в производство.

Научные обоснования рациональных для экономического развития соотношений накопления и потребления получили дальнейшее развитие в рамках неоклассической экономической теории в 1870–1920 гг. (А. Маршалл, И. Фишер, А. Пигу, К. Викселль, У. Джевонс, Л. Вальрас, Дж. Кларк, Ф. Рамсей и др.), однако их целенаправленное приложение в контексте исследований экономического роста и развития оформляется лишь в 1930–1960 гг. Параллельно в научной среде формировались концепции экономической эволюции, обусловленной неравновесными процессами технологических и институциональных инноваций, трансформирующих экономику изнутри (К. Маркс, Ф. Энгельс, Й. Шумпетер, Т. Веблен).

Полноценное оформление знаний, идей и концепций экономического развития и экономического роста в виде ряда научно-исследовательских программ и завершенных теорий началось в 1930–1950 гг. и было обусловлено следующими историческими вызовами: нарастающей конкуренцией рыночных и административно-командных экономик, необходимостью ускоренного восстановления народного хозяйства, пострадавшего в мировых войнах; демонтажом колониальной системы и обретением экономической субъектности рядом крупных стран. Данные теории являются, с одной стороны, взаимодополняющими, с другой – конкурирующими: из-за различия взглядов на сущность феноменов экономического роста и развития, исследовательских методологий и инструментария, изучаемых данных и кейсов, а также политэкономических и идеологических разногласий.

Ряд научных работ [3, 13, 33] посвящен описанию альтернативных теорий и моделей экономического роста и развития, однако, по нашему мнению, существует необходимость дальнейших сравнений, обобщений и классификации.

Целью представленного исследования является попытка синтезировать знания об основных современных направлениях теории экономического развития, принимая во внимание их субстантивную, когнитивную, методологическую и инструментальную специфику.

Критический анализ и обсуждение

Обобщая мнения таких авторов, как М. Тодаро и С. Смит [33], Д. Аджемоглу [13], Р. Барро и Х. Сала-и-Мартин [3], предполагается целесообразным выделить пять основных направлений современной теории экономического развития:

- теорию линейных стадий роста;
- теорию структурных изменений;
- теорию зависимого развития;
- неоклассическую теорию развития;
- институциональную теорию развития.

Специфику данных направлений предлагается рассматривать в разрезе альтернативных подходов к решению следующих проблем:

- 1) определению сущности экономического развития (субстантивный аспект);
- 2) исследованию факторов экономического развития (когнитивный аспект);
- 3) выбору теоретико-методологического инструментария изучения процессов экономического развития (методологический аспект);
- 4) обоснованию механизмов и инструментов управления экономическим развитием (инструментальный аспект).

Краткая характеристика основных черт выделенных направлений теории экономического развития, рассмотренных в разрезе вышеприведенных аспектов, представлена в таблице.

Характерные черты направлений современной теории экономического развития

Отличительные черты	Теория линейных стадий роста	Теория структурных изменений	Теория зависимого развития	Неоклассическая теория развития	Институциональная теория развития
Ключевые аспекты сущности экономического развития	- Последовательные этапы развития экономики; - самоподдерживающийся экономический рост; - устойчивая повышающаяся динамика показателей ВВП	- Качественные изменения социально-экономической структуры; - дуализм развитых и неразвитых секторов экономики; - рост разнообразия доступных населению экономических благ	- Антагонистический дуализм развития экономик «центра» и «периферии»; - преодоление навязанного извне состояния отсталости; - рост доходов населения, сокращение бедности и неравенства	- Долгосрочный экономический рост в условиях стационарного состояния экономики; - конвергенция развития различных экономик; - максимизация удельных показателей производства и потребления	- Определяющая зависимость экономического развития от социокультурных факторов; - проблема воспроизводимости опыта развития; - плюрализм в выборе показателей развития
Ключевые факторы экономического развития	Нормы сбережения и инвестирования, уровень капиталоемкости, производительность труда, динамика численности населения	Интенсивность перераспределения ресурсов и источников инвестиций из отсталых секторов экономики в более развитые, сбалансированная структура экономики, экономические драйверы и точки роста	Неэквивалентный обмен, финансовая и промышленная экспансия развитых экономик, деформация международного разделения труда, недостаточная диверсификация, воспроизводство зависимости	Темпы роста технического прогресса, инноваций, человеческого капитала, общественных благ, благосостояния населения; инвестиционная активность, свобода торговли и частной инициативы, экология	Уровень развития и природо-экономических, политических и социальных институтов, соответствие их текущим историческим условиям, уровень трансакционных издержек в экономике, асимметрия информации
Методология исследования	Макроэкономические экстенсивные модели инвестирования воспроизводства с производственной функцией леонтьевского типа и фиксированными производственными коэффициентами, мультипликаторы и акселераторы инвестиций	Макро- и микроэкономические модели дуалистической экономики, системная динамика, модели оптимизации структуры инвестиций	Историко-структурный анализ, мир-системный анализ, модели теории игр, научно-методологический инструментарий неомарксизма и неокейнсианства	Микроэкономические экзо- и эндогенные модели с неоклассической производственной функцией, основанные на принципах убывающей отдачи факторов производства и рационализирующего поведения экономических агентов	Неоклассические модели экономического роста, модели теории игр, методы исторических, клиометрических, бихевиористических и социальных исследований, эволюционные модели экономики
Предлагаемые инструменты экономического развития	Достижение критических уровней инвестирования и капиталотдачи путем стимулирования сбережений, осуществления массивных инвестиций (в т.ч. за счет иностранных займов), импортозамещения	Индустриализация экономики за счет развития набора современных отраслей, государственное стимулирование и структурирование инвестиций, создание рабочих мест, развитие экспортных кластеров	Импортозамещающая индустриализация, протекционизм, рестрикции иностранного капитала, трансграничный финансовый контроль, стимулирование внутренних инвестиций, региональная интеграция, экономический изоляционизм	Концентрация стимулирующего воздействия в комплементарных секторах, генерирующих элементы факторной производительности: образования, НИОКР, здравоохранения, производственной и социальной инфраструктуры	Преимущественное регулирование экономических институтов: систем отношений собственности, конкуренции и рыночных механизмов; реформирование политических и социальных институтов

Первым целостным направлением теории экономического развития можно считать, по-видимому, теорию линейных стадий роста, базирующуюся на соединении неокейнсианской экономической идеологии и положений формационной концепции развития общества, в которой процесс развития рассматривается как совокупность последовательных этапов экономического роста, которые должно последовательно пройти каждое государство.

У. Ростоу (1956) предлагает выделять пять последовательных стадий роста, для которых характерны принципиально разные уровни сбережений населения и капиталоемкости продукции [29]. Выделенным стадиям роста автором даны следующие названия:

- 1) традиционное общество;
- 2) стадия предпосылок для подъема;
- 3) стадия подъема;
- 4) стадия быстрого созревания;
- 5) стадия высокого массового потребления.

Ключевой стадией является «подъем», который позволяет экономике перейти к самоподдерживающемуся росту, а доходам населения – выйти на качественно новый уровень. Для выхода на эту стадию требуется достичь определенных критических «пороговых» уровней инвестирования и капиталотдачи, параметры которых можно рассчитывать.

Математические формализации механизма экономического развития в данном теоретическом направлении имеют в своем основании неокейнсианскую модель экономического роста Харрода-Домара (1939–1946), основанную на использовании производственной функции Леонтьева без заменимости факторов, а также на принципах мультипликации и акселерации инвестиций [9, с. 12–13]. Согласно данной модели, темп равновесного экономического роста определяется как произведение нормы сбережений на предельный чистый продукт капитала (предельную фондоотдачу). Технологически обусловленный уровень предельной фондоотдачи трудно увеличить в 1–3-й стадиях роста; напротив, уровень нормы сбережения может сравнительно легко корректироваться методами государственной экономической политики. Достижение определенного критического уровня сбережений (в условиях соблюдения равенства с инвестициями) при фиксированной капиталотдаче позволит экономике войти в стадию «подъема».

Реализация такой модели роста в чистом виде может споткнуться о «ловушку отсталости», когда улучшение экономических условий нивелируется ростом численности населения, а последующее падение уровня среднедушевого дохода не позволяет поддерживать должный уровень сбережений. Она может быть преодолена в концепции «большого толчка» (П. Розенштейн-Родан, Р. Нурксе, Х. Лейбенштайн, Б. Кналл, 1943–1963), предполагающей покрытие дефицита собственных сбережений и обеспечение избытка рабочей силы средствами производства за счет массивного притока иностранных инвестиций в сжатый срок. Согласно модели экономического роста «с двумя дефицитами» Х. Ченери (1961–1966) [18], значительная часть этих средств должна быть направлена на развитие импортозамещающих производств, что позволит добиться снижения дефицита внешнеторгового баланса, которое, в свою очередь, будет способствовать росту сбережений внутри страны. Циклическое воспроизведение этого процесса приведет к постепенному вытеснению импорта и внешних источников финансирования и переходу к самоподдерживающемуся экономическому росту. «Большой толчок» ориентирован на мультипликативный эффект: увеличение покупательной способности населения влечет за собой рост спроса, стимулирующий рост численности предпринимателей, ведущий к дальнейшему росту среднедушевого дохода.

Дополненная концепцией «большого толчка» теория линейных стадий роста обрела свои окончательные черты:

1) экономическое развитие отождествляется с устойчивой повышательной динамикой абсолютных и удельных показателей валового продукта, с экономическим ростом;

2) возможно достижение некоторого уровня экономического развития (выражаемого, как правило, показателями среднедушевого дохода), с которого экономический рост становится самовоспроизводящимся;

3) ключевыми факторами экономического развития являются: доля валового продукта, направляемая на инвестиции, уровень капиталоемкости производства, темп роста населения;

4) механизмы управления экономическим развитием основаны на регулировании инвестиционного процесса: активном корректировании уровня сбережений со стороны государства посредством монетарной и финансовой политики; в условиях его недостаточности предполагается привлечение крупных иностранных инвестиций, которые в процессе экономического роста постепенно заместятся внутренними.

Теория линейных стадий роста, во многом основанная на опыте промышленной революции и плана Маршалла, стала обоснованием идеологии массовой помощи государствам третьего мира, однако впоследствии была подвергнута аргументированной критике. Предельно абстрагированные концепции, предложенные в ее рамках, не рассматривали влияние культурных, структурных и институциональных предпосылок экономического развития. Исторический опыт индустриально развитых стран, из которого она проистекала, не вполне соответствовал реалиям развивающихся и трансформационных экономик: например, модель формирования сбережений во многом зависела от ценностных установок населения и с трудом поддавалась корректированию за счет экономических стимулов. Механизм превращения сбережений в инвестиции, описанный Харродом и Домаром, не мог учесть сильную дифференциацию накоплений в разных группах населения, обуславливающую явления непроизводственного потребления, образования сокровищ и бегства капитала. Односекторный характер моделей не предполагал препятствий, возникающих при перемещении капитала между различными отраслями, поэтому стимулирование экономического роста зачастую приводило к возникновению экономики «анклавного» типа, характеризующейся соседством немногочисленных развитых территорий с обширными зонами нарастающей отсталости в пределах одной страны.

Критическое осмысление и дальнейшее развитие концепций самоподдерживающегося роста, «большого толчка» и экономической динамики в сочетании с применением элементов неоклассического анализа легли в основу теории структурных изменений, акцентирующей внимание на типичных качественных изменениях, сопутствующих экономическому росту: в отраслевой структуре экономики, структуре физического капитала и трудовых ресурсов, структуре потребительского спроса, доходов и расходов населения, в демографической ситуации. Показательным для данной теории является понимание развития экономики как долгосрочного увеличения способности страны снабжать население все более возрастающим разнообразием экономических благ, основанного на передовых технологиях и необходимых институциональных и идеологических изменениях [22].

С. Кузнец (1955–1973) назвал шесть основополагающих характеристик современного экономического роста, во многом определивших дискурс дальнейших исследований экономического развития:

1) высокий темп роста душевого национального продукта, сопровождаемый увеличением населения страны;

2) высокий темп роста производительности всех ресурсов, характеризующий улучшение их качества, обусловленное техническими изменениями;

3) значительные структурные преобразования в экономике: перетекание рабочей силы из аграрного сектора в промышленность и сферу услуг, увеличение размеров товаропроизводителей, переход от личных к безличным формам субъектов права в предпринимательстве, изменение профессионального статуса труда, изменения в структуре потребления;

4) значительные структурные изменения в обществе, обусловленные урбанизацией, секуляризацией, либерализацией, эгалитаризмом, национализмом;

5) наращивание внешнеэкономических связей и уровня международной интеграции посредством мирных и военных способов, политическая и экономическая экспансия;

6) неравномерность и ограниченность процессов экономического развития в различных регионах мира [22].

Научной предпосылкой значительной части концепций и моделей теории структурных изменений является дуалистический характер общественного воспроизводства, сочетающего в себе разнородные, но взаимозависимые секторы. Темпы экономического развития определяются интенсивностью процессов перераспределения материальных и трудовых ресурсов между секторами, поэтому на первый план выходят структурные проблемы накопления и занятости. Так, К. Маркс при описании схем простого и расширенного воспроизводства использовал деление экономики на секторы, производящие средства производства и предметы потребления [5, с. 393, 496]; Г.А. Фельдман (1928) выделял сектор, производство в котором обеспечивает потребление на прежнем уровне, и сектор, продукция которого используется для увеличения и замены капитала [10, с. 153–154]. Выводы, содержащиеся в моделях воспроизводства К. Маркса и Г.А. Фельдмана, свидетельствуют о возможности ускорения темпов экономического роста путем приоритетного развития тяжелой промышленности, машиностроения и энергетики, в том числе – за счет прямого или косвенного изъятия ресурсов из сектора производства предметов потребления.

Для неоклассической и неокейнсианской экономической мысли более характерно деление экономики на условно «развитый» и «отсталый» секторы – современный и традиционный, индустриальный и аграрный, рыночный и натуральный и т.п. Дуалистическая модель экономического развития, предложенная У.А. Льюисом (1954), рассматривает концепцию экономики, разделенной на два сектора: капиталистический (современный, преимущественно индустриальный) и традиционный (преимущественно аграрный) [23]. Традиционный сектор характеризуется избыточностью рабочей силы, обуславливающей нулевую предельную производительность труда и неэластичность производства по численности занятых. В капиталистическом секторе спрос на труд определяется уровнем предельного продукта, поэтому смещение кривых предельного продукта, происходящее в результате смещения кривых выпуска в ответ на изменение количества капитала, приводит к изменению численности занятых в соответствующем направлении.

Таким образом, рост капитала в современном секторе способствует притоку труда из традиционного сектора и росту суммарной заработной платы. Реинвестируемая прибыль на капитал и мобилизованные сбережения занятых в современном секторе обуславливают дальнейшее увеличение капитала, обеспечивая самоподдерживающийся экономический рост, продолжающийся вплоть до исчерпания лишней рабочей силы из традиционного сектора. Предельная производительность труда в традиционном секторе перестает быть нулевой, что приводит к распространению в нем капиталистических форм хозяйствования; структурная перестройка экономики завершается смещением

фокуса из аграрной в индустриальную сферу. Согласно модели Льюиса, ключевыми элементами политики экономического развития должны являться: 1) стимулирование инвестиций в целях наращивания капитала в современном секторе экономики; 2) стимулирование оттока труда из трудоизбыточного сектора, в т.ч. путем развития трудоемких и трудоинтенсивных промышленных производств.

Критическое восприятие идей Льюиса привело к появлению обширного ряда все более сложных дуалистических моделей развития: например, Дж. Фей и Г. Ранис (1961–1966) предложили двухсекторную модель с тремя дуализмами (на рынке труда, продукции и финансов), иллюстрирующую три фазы экономического развития [19]. В натуральной фазе наращивание трудоемкого промышленного производства отвлекает из аграрного сектора излишний труд, имеющий нулевую предельную производительность, за счет чего возрастает «аграрный излишек» – прибавочная стоимость, являющаяся первоначальным источником средств для модернизации обоих секторов экономики.

В переходной фазе благодаря оттоку рабочей силы предельная производительность труда в аграрном секторе начинает увеличиваться, вследствие чего дальнейшее снижение количества занятых в нем приводит к сокращению производства продовольствия и сырья, а также росту цен. В свою очередь, это приводит к росту оплаты труда в индустриальном секторе, который поддерживает переток рабочей силы из аграрного сектора до тех пор, пока предельная производительность труда в промышленности не снизится до критического уровня. Наступает рыночная фаза, в которой устанавливается равновесие на рынках труда и продукции между обоими секторами, а объем «аграрного излишка» достигает оптимума. Рынок инвестиций наполняется в результате увеличения доходов наемной рабочей силы, землевладельцев и прибыли промышленных предприятий, в результате чего растет капитал индустриального сектора, обуславливая рост его потребности в труде. Цикличное воспроизведение этой фазы приводит к возникновению самоподдерживающегося роста экономики.

Согласно модели Фей-Раниса, основным способом обеспечения устойчивого экономического роста и избегания «ловушек развития» является поддержание темпов роста занятых в современном секторе выше, чем темп роста населения. Переток труда из аграрного сектора должен компенсироваться ростом прибавочной стоимости в сельском хозяйстве, которая может быть увеличена за счет развития экспорта и освоения новых технологий. Данное направление в теории структурных изменений было развито и переосмыслено последователями У.А. Льюиса, Дж. Фей и Г. Раниса путем усложнения и детализации предложенной концепции: в работах Д. Йоргенсена, С. Парка, Ю.-М. Хо, А. Келли, Дж. Уильямсона и Р. Читэма, Д. Пааува (1967–1974) дуалистическая модель дополнена параметризациями технического прогресса, соотношений между трудоемкими и трудосберегающими технологиями, накоплений, а также расширена путем включения секторов услуг, сырьевых производств и индустриального сельского хозяйства.

Исследованию проблем экономического развития в контексте изменения отраслевой структуры и поиска оптимальной структуры инвестиций посвящены работы Р. Нурксе, А. Хиршмана, Г. Зингера, П. Стритена (1950–1960). Создатель концепции сбалансированного экономического роста Р. Нурксе связывал темпы экономического развития с уровнем покупательной способности населения и размером внутреннего рынка страны [26]. Придерживаясь идеологии экспортного пессимизма, Р. Нурксе считал, что удовлетворение растущего предложения отдельно взятой отрасли должно обеспечиваться спросом за счет расширения производства в других, обуславливая равномерный рост рынка во всех секторах. Следовательно, самоподдерживающийся экономический рост может быть достигнут путем осуществления большого количества рассредоточенных по отраслям инвестиций, структура которых должна балансироваться с учетом страновой специфики.

К. Мёрфи, А. Шлейфер и Р. Вишни (1989) развили и формализовали модель сбалансированного роста в работе, посвященной влиянию скоординированных секторальных инвестиций в промышленности на рост совокупного спроса, сбережений населения и инвестиций в инфраструктуру [24].

В концепциях несбалансированного роста (А. Хиршман, Х. Зингер, П. Стритен, Ф. Перру) предполагается, что неравномерность развития экономики является нормальным состоянием и может быть использована как источник ускорения и модернизации: несбалансированные инвестиции могут как исправлять текущие дисбалансы, так и порождать новые состояния неравновесия, побуждающие к инвестициям в других отраслях. Таким образом, поддержание и искусственное создание экономических диспропорций может быть инструментом управления экономическим ростом.

А.О. Хиршман описывал процесс несбалансированного развития как последовательность трех фаз: фазы комплементарности, когда возросшее производство товара стимулируемой отрасли влечет за собой повышение спроса на связанные товары и средства производства; фаза индуцированного инвестирования, когда рост спроса привлекает инвестиции в смежные отрасли; фаза экономических экстерналий, когда улучшение экономического климата в целом сказывается на несмежных секторах [21]. Утверждается, что процесс экономического развития является уникальным явлением, поэтому для успешной реализации политики несбалансированного роста в каждом конкретном случае требуется найти отрасль, обладающую наибольшей «взаимодополняемостью», участвующую в наибольшем количестве производственных цепочек. Желательно, чтобы продукция этой отрасли не обладала высокой капиталоемкостью, чтобы усилить эффективность инвестиций.

По мнению Х. Зингера [30], такими отраслями являются индустриализированное сельское хозяйство и добывающие отрасли, вложения в которые позволяют создать максимальную «мультипликативную цепочку», высвободить рабочую силу и поднять экспортные доходы. Существует также обратная точка зрения, согласно которой необходимо стимулировать инвестиции в отрасли, находящиеся на конечном этапе добавления стоимости: пищевую промышленность, фармацевтику, сборочное производство и т.п. Испытывая дефицит внутренних материальных и трудовых ресурсов, данные отрасли будут индуцировать инвестиции в предыдущих звеньях производственной цепочки по принципу обратной связи.

В силу особенностей административно-командной экономики значительная часть исследований экономического развития в социалистических странах концентрировалась на детализированном изучении межотраслевых производственных взаимосвязей и может быть включена в рамки структуралистских концепций сбалансированного и несбалансированного роста. Теоретическим и методологическим вопросам моделирования и оптимизации секторальной и отраслевой структуры инвестиций в условиях централизованного планирования посвящены работы советских и российских экономистов Г.А. Фельдмана, В.С. Немчинова, Л.В. Канторовича, М.Р. Эйдельмана, Б.Л. Исаева, А.Н. Ефимова и Л.Я. Берри, А.И. Анчишкина и Ю.В. Яременко, В.В. Коссова, В.В. Новожилова, А.Г. Гранберга, К.А. Багриновского, А.Г. Аганбегяна, Н.Ф. Шатилова, Н.И. Ведуты и др.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что специфика концепций, на которых базируется теория структурных изменений, характеризуется следующими аспектами:

1) экономическое развитие понимается как улучшающая трансформация отраслевой и территориальной структуры экономики страны, сопровождающаяся взаимосвязанными изменениями в структуре потребления, сбережений, распределения ресурсов, внешней торговле, а также в социальной сфере;

2) основным фактором развития является перераспределение материальных и человеческих ресурсов, а также источников инвестиций из относительно отсталых секторов экономики в более развитые; темп экономического роста задается динамикой преодоления дуализмов в народном хозяйстве и социальной сфере;

3) в исследованиях применяется как макро-, так и микроэкономический подход;

4) в качестве основного механизма экономического развития рассматривается создание и/или развитие набора современных отраслей, позволяющих осуществить переход от аграрной или сырьевой экономики к экономике индустриального и постиндустриального типа, существенно увеличить размер рынка товаров и услуг, повысить доходы населения. Инструментарий экономического развития основывается на предполагающих активное вмешательство государства мерах стимулирования и структурирования инвестиций, повышения производительности ресурсов, борьбы с явной и скрытой безработицей, обеспечения эффективной занятости, индустриализации сельского хозяйства и ресурсодобычи.

Теоретические направления линейных стадий роста и структурных изменений разрабатывались преимущественно экономистами «первого мира», которые в целом полагали, что все экономики проходят примерно одинаковые этапы развития, темпы которого можно ускорить методами, разработанными на основе ретроспективного анализа данных развитых стран: массированным инвестированием на основе внешних заимствований, интеграцией в мировую экономику путем развития экспортно ориентированных отраслей, стимулированием перетока рабочей силы между аграрным и индустриальным секторами и т.п. Параллельно, и во многом как реакция на эти тезисы, сформировалось теоретическое направление зависимого развития (теория догоняющего развития, депендентизм), представители которого полагали, что предлагаемые методы как минимум не подходят для развивающихся экономик, а скорее всего – даже вредны. Для депендентистов характерно рассмотрение процессов экономического развития с позиций антагонистического дуализма хозяйств, отраслей, территорий и стран, между которыми выстраиваются отношения силы и слабости, зависимости и господства, когда один субъект развивается за счет вольной или невольной эксплуатации другого. Таким образом, отстающая экономическая система не является «ранней версией» развитой, а представляет собой элемент ее ресурсного базиса. Научной основой данного направления являются труды в рамках теорий экономического национализма, протекционизма, империализма и капитализма, рассмотренные в том числе и с марксистских позиций (Ф. Лист, А. Гамильтон, Дж. Гобсон, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, В.И. Ленин и др.).

В данной теории можно выделить два крупных направления: концепции дуалистической и неокOLONиальной зависимости [33, с. 131–134], различающиеся подходами к объяснению причин возникновения зависимости и способов экономического развития в ее условиях. Теоретическим основанием дуалистического направления является теорема Пребиша-Зингера (1950), гласящая, что положение экономик, производящих преимущественно первичные продукты (продовольствие, сырье) неизбежно сравнительно ухудшается, так как в долгосрочной перспективе цены на промышленные товары растут быстрее ввиду более высокой эластичности спроса по доходу (позднее в гипотезу был добавлен дуализм простых и сложных промышленных товаров) [15]. Ухудшающееся соотношение экспортных и импортных цен («terms of trade») приводит к сокращению доходов, а следовательно – к воспроизводству и дальнейшему углублению экономического отставания.

Развивая идеи Р. Пребиша и Х. Зингера, Э. Райнерт предполагает, что соблюдение принципов свободной торговли и «относительных преимуществ» в отношениях между странами разного уровня развития приводит к возникновению самовоспроизводящегося экономического отставания менее развитых, так как подрывается рост обра-

батывающей и пищевой промышленности, замедляется индустриализация сельского хозяйства, подавляется инновационное производство, что приводит к перенаселению, росту безработицы, пауперизации [27]. В качестве причин возникновения и воспроизводства экономической зависимости рассматриваются также аспекты международного движения факторов производства: мобильный капитал из развитых стран перетекает в экономики с низкой стоимостью рабочей силы, а имущественный труд остается на месте, концентрируясь в капиталоемких отраслях с высокими требованиями к качеству человеческого капитала. Таким образом, дешевизна труда в менее развитых экономиках является источником обогащения не только капиталистов, но и рабочего класса в странах первого мира.

В рамках дуалистического направления мировая экономическая система представляется единым целым, состоящим из «центра» (высокоразвитых стран) и «периферии» (преимущественно сырьевых и аграрных стран), экономическому развитию которой препятствует зависимость от «центра», присваивающего большую часть доходов через механизмы международного разделения труда и взаимной торговли (А.Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Ф. Кардозу, С. Фуртаду, Т. Дус-Сантус, 1960–2000). Согласно Ф. Кардозу и Э. Фалетто (1977), финансовое и технологическое проникновение «центра» в «периферию» дисбалансирует внешнюю и внутреннюю экономику таких стран, что приводит к ограничению возможностей самостоятельного развития и способствует возникновению специфических явлений (коррупция, олигархизм, компрадорство, бегство капитала, утечка мозгов, недиверсифицированность экономики и др.), требующих усиления государственного регулирования [17]. В зависимых странах формируется особый «периферийный капитализм», качественно отличающийся от «капитализма развитых» по структуре собственности, производства и потребления, динамике развития технологических, социальных и демографических процессов, уровню развития общественных и политических институтов.

Желанным выходом из состояния периферийного капитализма приверженцам концепции дуалистического развития представляется его трансформация в развитую форму, основанная на механизмах импортозамещающей индустриализации, протекционизма, антимонополизма, национализации иностранных компаний, социализации капитала крупных предприятий, суверенизации финансовой политики, контроля миграции капитала, ограничения привилегированного потребления, развития технологий и человеческого капитала. Для применения этих механизмов требуется достичь сопоставимой со странами «центра» экономической силы или же «отгородиться» от них, что возможно осуществить за счет углубления региональной интеграции стран «периферии» и стимулирования развития собственных транснациональных корпораций.

Неоколониальному направлению теории зависимого развития характерно восприятие отношений «центра» и «периферии» через призму теории классовой борьбы. Слаборазвитость рассматривается как навязанное извне состояние: например, как результат видоизменившейся колониальной политики развитых государств, или как следствие эксплуатации «стран-пролетариев» «странами-капиталистами»; зависимость же рассматривается как специфический способ капиталистического производства. Воспроизводство структур зависимости прямо или косвенно поддерживается программами международной интеграции, международными финансовыми организациями, транснациональными корпорациями, компрадорской частью элит менее развитых стран.

П. Баран (1957) объясняет формирование отношений зависимости действиями монополистического капитала, осуществляющего торговую экспансию на внешние рынки с целью расширения спроса, а также инвестиционную экспансию в целях обеспечения себя источниками сырья [2]. Рыночная сила монополистических структур позволяет им опираться на экономическую и политическую поддержку собственных стран

и международных организаций и оказывать давление на правительство и бизнес менее развитых стран, в результате чего экономическая структура последних деформируется в соответствии с потребностями экономических интервентов, создавая препятствия для долгосрочного экономического развития. С. Амин (1976) считает источником зависимости неравномерное международное разделение труда, обуславливающее специализацию развивающихся экономик на производстве продовольствия и сырьевых товаров [14]. Индустриализация первичного сектора в совокупности с низким уровнем оплаты труда способствует вытеснению населения из сельской местности, а рабочей силы – в сектор услуг, что приводит к росту явной и скрытой безработицы, а также неполной занятости, возрастанию роли государственного капитализма и чиновничества. Специализация на производстве и экспорте первичной продукции в долгосрочной тенденции ведет к хроническому дефициту платежного баланса, следовательно – к нарастанию государственного долга, полученная в результате иностранных инвестиций прибыль реэкспортируется, обеспечивая экономическое благополучие центральных стран.

По большей части, представители концепции неоколониальной зависимости считают монополистический капитализм преходящим явлением, поэтому преодоление зависимости представляется возможным за счет перехода к социалистической экономике (А.Г. Франк, Т. Дус-Сантус); в качестве альтернативы предлагается автономизация от стран центра, разрыв экономических связей с ними (С. Амин). В то же время ряд исследователей заявляет, что структурная экономическая зависимость хотя и деформирует процессы капиталистического становления периферийных стран, однако в целом не является негативным фактором экономического развития (Т. Бирштейкер, П. Эванс, Х.-Ч. Лим). При этом общие черты концепций теории зависимого развития можно охарактеризовать следующим образом:

1) экономическое развитие отождествляется с ростом реальных доходов населения, сокращением уровней бедности и неравенства, увеличением уровня субъектности экономических систем, улучшением структуры экономики;

2) основное внимание уделяется исследованию факторов, замедляющих экономическое развитие (неэквивалентный обмен между странами и секторами, финансовая и промышленная экспансия, деформация международного разделения труда, недостаточная диверсификация, реэкспорт прибылей, структуры воспроизводства зависимости);

3) исследования базируются на теоретическом и методологическом аппарате неомарксистской и неокейнсианской экономических школ, трудовой теории стоимости, теорий монополистического капитала и империализма, историко-структурного анализа;

4) преимущественное внимание уделяется исследованию механизмов преодоления и компенсации экономической зависимости (импортозамещающая индустриализация экономики, ограничения иностранного капитала и деятельности транснациональных корпораций, протекционизм, трансграничный контроль финансового капитала, стимулирование внутренних источников инвестиций, региональная интеграция периферийных стран, социализация экономики, инструменты экономического изоляционизма).

Значимость отношений зависимости как фактора современного экономического роста оспаривается приверженцами неоклассического направления теории развития, считающими, что нестабильная динамика менее развитых экономик является результатом чрезмерного государственного вмешательства, нарушающего экономическое равновесие (Г. Джонсон, Б. Балашша, П. Бауэр, Дж. Саймон, И. Литтл, Д. Лал, Э. Крюгер, Дж. Бхагвати, 1960–2010). В качестве следствий излишнего регулирования называются искажения цен и обменных курсов, препятствия внешнеэкономической деятельности, преграды частной инициативе, рост коррупции, обуславливающие нарастание экономической, социальной и технологической отсталости. Основываясь на положениях тео-

рии общественного выбора, неоклассическое направление концентрируется на изучении ограниченного круга влияющих на экономическое развитие факторов, подлежащих регулированию в рамках политики, ориентированной на развитие рыночной экономики. Идеология свободного рынка обуславливает преимущественное использование микроэкономических обоснований в качестве базы научного инструментария данного направления, в состав которого входят: предельный и функциональный анализ, равновесный подход, анализ спроса и предложения, теория рационального экономического поведения экономических агентов.

Значительная часть неоклассических моделей экономического развития базируются на неоклассической модели экономического роста Солоу-Свона (1956–1957), являющейся результатом дальнейшего критического осмысления работ Харрода и Домара [31, 32]. Работы Р. Солоу и Т. Свона были направлены на поиск решения макроэкономических проблем, связанных с обеспечением сбалансированного экономического роста, определением оптимальных темпов роста в заданных условиях экономической системы, максимизацией удельных показателей производства и потребления. Первым основополагающим блоком модели является неоклассическая производственная функция Кобба-Дугласа, устанавливающая зависимость объема производства от агрегированных затрат труда и капитала, предполагающая существование положительной убывающей предельной производительности факторов, а также их взаимодополняемость и взаимозаменяемость. Труд рассматривается как комплексный фактор в сочетании с переменной его эффективностью, моделирующей воздействие технического прогресса. Цены труда и капитала изменяются согласно предпосылке о совершенной конкуренции, что в совокупности с принципом взаимозаменяемости факторов производства обуславливает изменение капиталовооруженности в зависимости от макроэкономической конъюнктуры. Второй блок моделирует формирование капитала в процессе инвестирования и амортизации. Третий блок представляет собой функцию сбережений и инвестиций от валового производства. Переменные, моделирующие темп роста трудовых ресурсов, нормы сбережений и инвестиций, нормы износа капитала и воздействие технического прогресса, являются экзогенными.

На основе модели Солоу-Свона выведены следующие теоретические закономерности экономического роста [3, с. 49–50, 63]:

- увеличение нормы сбережений (инвестиций) увеличивает темп роста производства только в краткосрочном периоде, так как накопление капитала и рост капиталовооруженности в условиях убывающей предельной производительности труда приводят к достижению стационарного состояния экономики, когда произведенный доход будет полностью покрываться амортизацией, а рост подушевого выпуска прекратится;
- по достижению стационарного состояния рост ВВП в общем случае обеспечивается только увеличением численности населения, так как подушевой выпуск перестает расти;
- условием долгосрочного роста (как удельного, так и абсолютного) после достижения стационарного состояния может быть неубывающая предельная производительность факторов, которая обеспечивается за счет технологических изменений;
- так как предельная производительность труда имеет обратную зависимость от уровня капиталовооруженности, должно существовать явление абсолютной конвергенции (сходимости), когда темп роста ВВП на душу населения в бедных экономиках выше, чем в более развитых без каких-либо дополнительных условий, что должно приводить к постепенному сближению уровней их экономического развития;
- должно существовать явление условной конвергенции, обуславливающее прямую связь темпов роста экономики и степени ее удаленности от собственного стационарного состояния, которое задается параметрами нормы сбережения, амортизации и темпов роста населения, объясняющее пределы роста различных экономик.

Модель экономического роста Солоу-Свона хорошо подтверждалась ретроспективными данными развитых стран и довольно быстро стала экономическим мейнстримом, однако впоследствии к ней возник ряд вопросов, приведших к попыткам ее расширения и уточнения. Эмпирическая проверка, осуществленная Э. Дэнисоном, Я. Тинбергеном и др. (1960-е гг.) на материалах США, стран Западной Европы и новых индустриальных стран показала, что темпы их экономического развития не могут быть полностью описаны используемыми в модели факторами труда и капитала, а общая факторная производительность (так называемый «остаток Солоу») не может быть объяснена исключительно за счет технических улучшений. Верификация условной конвергенции установила ее преимущественное наличие в группах стран, близких по уровню развития; при межгрупповых сравнениях, напротив, зачастую наблюдалась дивергенция. Кроме того, большой проблемой был экзогенный характер нормы сбережений, роста населения и темпа технического прогресса, не предусматривавший возможности их динамического изменения, равно как и объяснения их генезиса. Все это затрудняло использование модели Солоу-Свона в качестве инструмента управления экономическим развитием, поэтому дальнейшие исследования в области неоклассической теории развития стали концентрироваться на разработке моделей эндогенного экономического роста.

Т. Купманс и Д. Касс (1963–1965) модифицировали модель Солоу-Свона, дополнив ее эндогенным механизмом формирования сбережений на основе математической теории оптимизации потребления и накопления домохозяйствами в условиях конкурентного рынка, предложенной Ф. Рамсеем (1928). Траектория сбережений в модели Рамсея-Касса-Купманса [25] определяется на основе максимизации функций динамических полезностей экономических агентов с постоянной межвременной эластичностью замещения между потреблением и сбережением при динамическом бюджетном ограничении и ограничении на заимствования. Таким образом, норма сбережений находится под влиянием комбинации эффекта дохода и эффекта замещения, обуславливающих корректировку траектории в зависимости от достигнутых уровней удельного дохода, процентной ставки, капиталовооруженности и дисконтирующего коэффициента «ожиданий» экономических агентов. Оригинальный механизм эндогенизации процесса сбережений и инвестирования предложен в модели перекрывающихся поколений П. Даймонда (1965), где группы населения работоспособного и пенсионного возраста имеют разные паттерны потребления и накопления, динамически влияющие на формирование источников капиталовложений.

Концепция эндогенного механизма технического прогресса в моделях экономического роста во многом основывается на гипотезе К. Эрроу (1962) о том, что источником долговременного повышения производительности труда являются знания и опыт рабочей силы, формируемые в процессе освоения новых капитальных товаров, воплощающих в себе технические изменения; таким образом, темпы инвестиционного процесса и наращивания капитала прямо обуславливают темпы распространения инноваций в экономике [16]. В модели Эрроу-Ромера (так называемая «модель обучения в процессе деятельности») при помощи параметризации эффективности обучения устанавливается положительная зависимость переменной факторной производительности функции Кобба-Дугласа от уровня капиталовооруженности и величины накопленного капитала в экономике. Таким образом компенсируется снижение предельной производительности по мере роста капиталовооруженности, а также моделируется эффект масштаба – в более крупных экономических системах переменная факторной производительности растет быстрее. Фирма получает дополнительный экономический эффект в виде экстерналии, присваивая результат обучения работников в процессе их трудовой деятельности. Логическим продолжением модели обучения в процессе деятельности

является модель Мэнкью-Ромера-Вейла (1992), где в качестве отдельного фактора производственной функции был выделен человеческий капитал – количественная оценка возможности экономических агентов генерировать доход, обусловленная уровнем их знаний и опыта.

П. Ромер (1987–1990) также обосновал эндогенный механизм технического прогресса в модели с множественными промежуточными продуктами производства – капитальными факторами [28]. Создавая новый капитальный фактор, фирма извлекает временный монопольный доход, обеспечивая ускорение своего роста до тех пор, пока инновация в достаточной мере не распространится. Каждый новый фактор увеличивает значение производственной функции модели, «сдвигая» точку стационарного состояния, переход в которую увеличивает уровень капиталовооруженности и выпуска на душу населения без необходимости корректирования норм сбережения и амортизации. Концепция множественных капитальных факторов нашла продолжение в работах Дж. Гроссмана и Э. Хелпмана (1991), Ф. Агьона и П. Ховитта (1997), в которых она была расширена на основе шумпетерианской идеологии «созидательного разрушения», т.е. процесса вытеснения старых инноваций новыми.

В результате дальнейшего развития идеологии эндогенного роста были разработаны модели экономического развития с факторами общественных благ (Р. Барро и Х. Сала-и-Мартин, 1992), природных ресурсов и экономического ущерба (DICE-модель У. Нордхауса, 1993), эндогенными демографическими механизмами (модель миграции и роста Х. Брауна, 1993), а также с дополняющими производственными функциями секторов образования и НИОКР (модель С. Ребело, 1991; модель Удзавы-Лукаса, 1988). Неоклассические модели эндогенного роста позволили объяснить проблему эмпирического несоответствия темпов конвергенции благодаря разнице стран в уровне человеческого капитала и скорости распространения инноваций, установить причины различия темпов роста экономики в условиях дефицитов капитала и труда, а также существенно расширить методологическую базу управления экономическим развитием, поэтому некоторые авторы выводят их в рамки отдельной, новой теории экономического развития.

Специфику неоклассического направления теории экономического развития можно обобщить в следующих ключевых тезисах:

1) экономическое развитие в целом отождествляется с процессом долгосрочного роста удельных показателей валового производства (например, среднедушевого ВВП) в условиях стационарного состояния экономики;

2) инвестиционная активность рассматривается как необходимое, но не достаточное условие для обеспечения долгосрочного экономического роста, поэтому на передний план выходят исследования элементов факторной производительности: технического прогресса, инноваций, знаний, человеческого капитала, общественных благ, благосостояния населения, демографической динамики, экологии;

3) в исследованиях преобладает микроэкономический подход, основанный на исследовании рационалирующего поведения экономических агентов; методологическая и инструментальная база опирается на модель экономического роста Солоу-Свона с неоклассической производственной функцией;

5) механизм управления экономическим развитием основан на принципах открытой экономики; считается, что прямое стимулирующее воздействие государства должно концентрироваться в комплементарных секторах, генерирующих факторную производительность: образовании, НИОКР, здравоохранении, социальной сфере, инфраструктурах.

Опыт неудачной реализации политик экономического роста и модернизации, разработанных под влиянием описанных выше концепций, способствовал формированию институционального направления теории экономического развития, полагающего, что набор факторов экономического развития и их эффективность определяются эволюцией социокультурных институтов – механизмов воспроизводства устоявшихся практик социального взаимодействия, «созданных человеком ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми» [8, с. 18]. Таким образом, в центре внимания данного направления оказывается проекция традиций, культурных и духовных ценностей, социальных норм и паттернов на экономическую динамику. Методологическими предпосылками институциональной теории экономического развития стали междисциплинарные исследования обусловленности экономической жизни религиозными, цивилизационными, общественными и политическими различиями (М. Вебер, А. Тойнби, Т. Веблен, К. Поланьи, К. Виттфогель).

Анализируя проблемы, возникшие в процессе модернизации экономики стран Южной и Юго-Восточной Азии, Г. Мюрдаль (1968) показал, как применение признанных инструментов преодоления слаборазвитости – инноваций, программного планирования и рыночных механизмов – способствует дезинтеграции экономического пространства, монополизации производства, углублению неравенства доходов, нарастанию технологической зависимости, распространению бюрократизма и коррупции [6]. Г. Мюрдаль объяснил этот парадокс укорененностью ориентированных на консервирование общественной отсталости институтов, таких как: кастовая и сословная система, религиозные ограничения на обогащение, отдельные виды деятельности и потребления, вертикальная иерархия общественных и политических отношений, сакрализация отношений подчинения и зависимости, патернализм, общинность. Признавая трудность радикального изменения общественных устоев развивающихся стран, автор предложил включение в политическую программу экономического развития мер, направленных на массовое повышение уровня жизни, потребления и образования, позволяющего, в свою очередь, расширять запрос населения на реформирование институциональной среды. В составе таких мер отмечаются: предпочтение трудоемких инвестиций, стимулирование мелкого предпринимательства, наделение населения средствами производства, временное обеспечение беднейших слоев населения независимыми источниками доходов в целях наращивания человеческого капитала.

Не отрицая значимости социальных и политических институтов, представители институциональной теории развития предпочитают фокусировать исследования на состоянии экономических институтов, представляющих собой совокупность правил и механизмов, формирующих структуру экономических стимулов общества путем ограничения, упорядочения и контроля поведения и взаимодействий экономических агентов. Согласно гипотезе Д. Аджемоглу [13, с. 143], ключевыми экономическими институтами с позиций развития являются те, которые определяют структуру прав собственности, устройство рыночных механизмов и возможности заключения контрактов между акторами: например, неразвитые институты собственности способствуют снижению стимулов к накоплению капитала и освоению инноваций, а слабые рыночные механизмы приводят к неоптимальному распределению ресурсов и снижению выгод от торговли.

Действие экономических институтов проявляется путем установления определенного уровня транзакционных издержек – «относительных ценностей ресурсов, используемых для планирования, адаптации и контроля за выполнением поставленных задач в различных структурах, упорядочивающих отношения между экономическими агентами, обменивающимися правами собственности и свобод» [11, с. 559]. Меньшая степень соответствия действующих институтов экономическим условиям и задачам

обуславливает более высокий уровень транзакционных издержек, снижая активность экономических агентов и изменяя их поведение. Согласно обобщенной теореме Коуза-Стиглера, сформулированной Т. Эггертссоном (1990) [12, с. 266], в случае нулевых транзакционных издержек экономический рост и развитие страны не зависят от типа государства, однако если они положительны, институциональная среда и структура распределения политической власти внутри страны является критическим фактором экономического развития. Таким образом, модели, не учитывающие транзакционные издержки, не могут удовлетворительно объяснять межстрановые различия темпов и уровней экономического развития и не подходят для его прогнозирования.

С точки зрения влияния на процессы роста и развития, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон (2012) разделили экономические институты на инклюзивные и экстрактивные [1, с. 189]. Инклюзивные институты способствуют свободному заинтересованному участию больших групп населения в экономической деятельности, обеспечивая неприкосновенность и неотчуждаемость собственности и доходов, низкий порог входа на рынки, свободу контрактов и торговли. Благодаря развитию инклюзивных институтов создаются благоприятные условия для накопления физического и человеческого капитала, распространению инноваций, диверсификации производства – ключевых факторов экономического роста. Экстрактивные институты ориентированы на обеспечение эксклюзивной возможности элит управлять экономикой в целях извлечения выгоды того или иного рода; предоставляют инструменты ограничения экономической активности и эксплуатации широких слоев населения, допускают отчуждение собственности или доходов в интересах групп, осуществляющих политическую власть. Экстрактивные институты могут способствовать экономическому развитию за счет мобилизации ресурсов, осуществления целенаправленной структурной политики, централизованного управления наращиванием человеческого капитала. Тем не менее только инклюзивные институты способны обеспечивать долгосрочный экономический рост опережающего характера, сопровождаемый устойчивым повышением уровня жизни и благосостояния большей части населения. Государства, где инклюзивные институты преобладают, более стабильны во время внешних и внутренних кризисов, так как низкий максимальный уровень концентрации власти и доходов понижает градус борьбы за их обладание.

В качестве отдельного направления институционального девелопментализма представляется целесообразным выделить исследования, опирающиеся на идеологию и инструментарий эволюционной экономики. В рамках подобных исследований экономические изменения описываются как результат институциональных и технологических инноваций, возникающих в процессе генерации, отбора и накопления новых идей экономическими агентами. В ключевой работе Р. Нельсона и С. Уинтера (1982) поведение фирм объясняется не принципом максимизации пользы в условиях ограниченных ресурсов (как в неоклассической парадигме), а «рутинами» – «нормальными и предсказуемыми» стандартными способами действия, обусловленными технологическими и институциональными факторами [7].

Модель Нельсона-Уинтера описывает экономический рост как результирующее явление эволюционных процессов поиска, отбора и наследования рутин, характеризующих: производственные способы (стандартные управленческо-технологические рутины), правила принятия решений об инвестировании (стандартные инвестиционные рутины) и правила модификации производственных способов (поисковые рутины) в популяции экономических агентов, функционирующих в вероятностной внешней среде [7, с. 274–285]. Апробация данной модели на эмпирических данных позволила авторам утверждать, что межстрановые различия в темпах экономического роста и уровнях экономического развития в значительной мере обусловлены региональной спецификой диффузии инноваций.

Исследования институционально-обусловленного экономического развития в настоящее время находятся на переднем крае экономической теории, однако они затруднены ввиду отсутствия единой научной школы и методологической базы, а также узкой сосредоточенности исследователей на изучении отдельных аспектов институциональной среды. В работах Д. Аджемоглу (2005–2011) при помощи инструментария теории игр предпринята попытка расширения неоклассической модели долгосрочного экономического роста путем математической формализации влияния конфликтов распределения доходов на накопление физического и человеческого капитала, технологический прогресс, диффузию инноваций и эффективность производства.

Исследования Э. де Сото (1986–2002) сфокусированы на институциональной обусловленности теневой экономической деятельности и проблемах ее легализации и интеграции в целях ускорения экономического развития. Концепция институциональных матриц, разрабатываемая С.Г. Кирдиной-Чэндлер (2004–2014), объясняет различия в динамике экономического развития государств преобладанием устойчивого триплекса взаимосвязанных базовых институтов – экономических, политических и идеологических [4]. Х-матрица базируется на институтах редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммунитарной идеологии; в основе Y-матрицы лежат институты рыночной экономики, федеративного устройства и индивидуалистской идеологии. Ю. Хаями и В. Раттан (1985) объясняют институциональные различия стран исторически сложившимися альтернативными технологическими моделями аграрного производства – земле- или ресурсосберегающими [20]. Институциональным аспектам экономического роста и развития также посвящены работы следующих авторов: М. Олсон, Д. Норт, Э. Остром, Т. Хагерstrand, А. Мэддисон, М. Абрамовиц, М. Аоки, А.А. Аузан и др.

Отличительные черты институционального направления теории развития:

1) широкий категориальный спектр экономического развития: от позиций, уязвляющих этот процесс с сокращением неравенства, до неоклассического отождествления с поступательным увеличением показателей ВВП;

2) в качестве ключевого фактора экономического развития рассматривается уровень развитости экономических, политических и социальных институтов или же уровень их соответствия некоему идеальному институциональному типу (матрице) в определенных исторических условиях;

3) традиционный экономический инструментарий дополняется историческими, социологическими, клиометрическими, бихевиористическими и этнологическими методами;

4) поскольку социальные и политические институты сложно поддаются контролируемому регулированию, институционалисты предлагают воздействовать на процессы экономического развития путем совершенствования экономических институтов: систем отношений собственности, контрактации и рыночных механизмов. Впрочем, отдельные исследователи концентрируют внимание на неэкономических мерах в сферах образования, культуры и национальной идентичности.

Заключение

Безусловно, в рамках одного исследования трудно охватить абсолютно все существующие теории и концепции экономического роста и развития. Например, авторы не рассматривали отдельно научные работы, посвященные вопросам пространственного развития, предполагая их преимущественно методическо-инструментальный характер и идеологическую принадлежность к структуралистскому направлению теории экономического развития. Сознательно не выделялись в отдельное направление работы, посвященные экономическим циклам, так как в той или иной степени концепции циклично-

сти используются теоретиками каждой из теорий развития: циклы (или ритмы) Кузнеця в теории структурных изменений, кондратьевские циклы в депендентистском мир-системном анализе, шумпетеровские циклы в ряде моделей эндогенного роста. Отсутствие внимания к циклическим аспектам экономического развития также обусловлено авторской позицией насчет преимущественно стохастической природы экономических циклов, вследствие которой они с трудом поддаются прогнозированию и управлению.

Осознанно не рассматривался и категориальный аппарат теории экономического развития, так как разнообразие взглядов на его элементы среди представителей конкурирующих концепций настолько велико, что требует проведения отдельного исследования. Помимо этого, перспективными для дальнейших исследований с точки зрения выбранной проблематики представляются современные теоретические построения, пытающиеся синтезировать закономерности экономического развития на основе изучения и формализации биогеографических, культурных, институциональных и экономических различий. В особенности следует выделить так называемую «единую теорию роста» О. Галора, в которой сближаются и синкретизируются положения институциональной теории и эндогенных моделей экономического развития. Значительный интерес также представляет дальнейшее изучение причин и механизмов феномена экономической конвергенции стран и регионов.

Авторы считают, что проведенное исследование, основанное на изучении субстантивных, когнитивных, методологических и инструментальных аспектов, может способствовать лучшему пониманию альтернативных научных идеологий современной теории экономического развития. Представляется целесообразным учитывать его результаты при проведении дальнейших теоретико-методологических исследований по проблематике экономического роста и развития, в том числе – агроэкономических систем.

Список источников

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и денег; перевод с англ. Москва: АСТ, 2015. 575 с.
2. Баран П. К экономической теории общественного развития; перевод с англ. Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. 429 с.
3. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост; перевод с англ. Москва: Бином. Лаборатория знаний, 2010. 824 с.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию. Санкт-Петербург: ООО «Нестор-История», 2014. 468 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Ч. 1 и 2. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Москва: Госполитиздат, 1951. 932 с.
6. Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира; перевод с англ. Москва: Прогресс, 1972. 767 с.
7. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Д. Эволюционная теория экономических изменений; перевод с англ. Москва: Дело, 2002. 536 с.
8. Норт Д.С. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. 1993. № 2. С. 69–91.
9. Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество: монография. Москва: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 176 с.
10. Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода. Ч. 1 // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 146–170.
11. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ТЕИС, 2002. 591 с.
12. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты; перевод с англ. Москва: Дело, 2001. 408 с.
13. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton: Princeton University Press, 2011. 1009 p.
14. Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. Hassocks: The Harvester Press Limited, 1976. 440 p.

15. Arezki R., Hadri K., Loungani P., Y. Rao. Testing the Prebisch-Singer Hypothesis Since 1650: Evidence from Panel Techniques that Allow for Multiple Breaks // *Journal of International Money and Finance*. 2014. Vol. 42. Pp. 208–223.
16. Arrow K.J. The Economic Implications of Learning by Doing // *The Review of Economic Studies*. 1962. Vol. 3. Pp. 155–173.
17. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependência e Desenvolvimento na América Latina: Ensaio de Interpretação Sociológica*. Quarta Edição. Rio de Janeiro: Zahar Editores, 1977. 143 p.
18. Chenery H.B., Strout A.M. Foreign Assistance and Economic Development // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56, No. 4. Pp. 649–733.
19. Fei J.C.H., Ranis G. *Agrarianism, Dualism and Economic Development*. Center Discussion Paper, No. 2. Yale University, Economic Growth Center, New Haven, CT, 1966. 72 p.
20. Hayami Y., Ruttan V.W. Toward a Theory of Induced Institutional Innovation // *Journal of Development Studies*. 1984. Vol. 20, No. 4. Pp. 203–223.
21. Hirschman A.O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press, 1958. 217 p.
22. Kuznets S. *Modern Economic Growth, Rate, Structure and Spread*. London: New Haven and London, Yale University Press, 1966. 529 p.
23. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // *The Manchester School*. 1954. Vol. 22, No. 2. Pp. 400–449.
24. Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W. Industrialization and the Big Push // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 96, No. 5. Pp. 1003–1026.
25. Nævdal E. New Insights from the Canonical Ramsey-Cass-Koopmans Growth Model // *Macroeconomic Dynamics*. 2020. Vol. 25, No. 6. Pp. 1–9. DOI: 10.1017/S1365100519000786.
26. Nurkse R. *Problems of Capital Formations in Underdeveloped Countries*. Oxford: Basil Blackwell, 1953. 171 p.
27. Reinert E. Development and Social Goals: Balancing Aid and Development to Prevent 'Welfare Colonialism'. TUT Institute of Public Administration, The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, 2006. 26 p.
28. Romer P.M. Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98, No. 5. Pp. 71–102.
29. Rostow W.W. The Take-Off into Self-Sustained Growth // *The Economic Journal*. 1956. Vol. 66, No. 261. Pp. 25–48.
30. Singer H.W. *International Development: Growth and Change*. New York and London: McGraw-Hill, 1964. 295 p.
31. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economic Growth*. 1956. Vol. 70, No. 1. Pp. 65–94.
32. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation // *Economic Record*. 1956. Vol. 32, No. 2. Pp. 334–361.
33. Todaro M.P., Smith S.C. *Economic Development*. 12th ed. Boston: Pearson Education, 2014. 891 p.

References

1. Acemoglu D., Robinson J.A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye*. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i deneg; perevod s angl. [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty; translated from English]. Moscow: AST; 2015. 575 p. (In Russ.).
2. Baran P. K ekonomicheskoy teorii obshchestvennogo razvitiya; perevod s angl. [The Political Economy of Growth; translated from English]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury; 1960. 429 p. (In Russ.).
3. Barro R.J., Sala-i-Martin X. *Ekonomicheskij rost*; perevod s angl. [Economic Growth; translated from English]. Moscow: Binom. Laboratoriya Znaniy; 2010. 824 p. (In Russ.).
4. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y teoriyu* [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya OOO; 2014. 468 p. (In Russ.).
5. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. T. 3. Ch. 1 i 2. Kn. III: Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyaty v tselom [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 3. Part 1 and 2. Book III: The Process of Capitalist Production Taken as a Whole]. Moscow: Gospolitizdat; 1951. 932 p. (In Russ.).
6. Myrdal G. *Sovremennye problemy tret'ego mira*; perevod s angl. [Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations; translated from English]. Moscow: Progress; 1972. 767 p. (In Russ.).
7. Nelson R.R., Winter S.G. *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenij*; perevod s angl. [An Evolutionary Theory of Economic Change; Poverty; translated from English]. Moscow: Delo; 2002. 536 p. (In Russ.).
8. North D.C. *Instituty i ekonomicheskij rost: istoricheskoe vvedenie* [Institutions and Economic Growth: A Historical Introduction]. *Thesis*. 1993;2:69-91. (In Russ.).
9. Tenyakov I.M. *Sovremenniy ekonomicheskij rost: istochniki, faktory, kachestvo: monografiya* [Modern Economic Growth: Sources, Factors, Quality: monograph]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics; 2015. 176 p. (In Russ.).
10. Feldman G.A. *K teorii tempov narodnogo dokhoda*. Ch. 1 [On the Theory of National Income Rates. Part 1]. *Planovoe khozyaystvo = Planned Economics*. 1928;11:146-170. (In Russ.).

11. Shastitko A.E. Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya. 3-e izd., pererab. i dop. [New Institutional Economic Theory. 3rd ed., revised and enlarged]. Moscow: TEIS; 2002. 591 p. (In Russ.).
12. Eggertsson T. Ekonomicheskoe povedenie i instituty; perevod s angl. [Economic Behavior and Institutions; translated from English]. Moscow: Delo; 2001. 408 p. (In Russ.).
13. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton: Princeton University Press; 2011. 1009 p.
14. Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. Harsocks: The Harvester Press Limited; 1976. 440 p.
15. Arezki R., Hadri K., Loungani P., Y. Rao. Testing the Prebisch-Singer Hypothesis Since 1650: Evidence from Panel Techniques that Allow for Multiple Breaks. *Journal of International Money and Finance*. 2014;42:208-223.
16. Arrow K.J. The Economic Implications of Learning by Doing. *The Review of Economic Studies*. 1962;3:155-173.
17. Cardoso F.H., Faletto E. Dependência e Desenvolvimento na América Latina: Ensaio de Interpretação Sociológica. Quarta Edição. Rio de Janeiro: Zahar Editores; 1977. 143 p.
18. Chenery H.B., Strout A.M. Foreign Assistance and Economic Development. *American Economic Review*. 1966;56(4):649-733.
19. Fei J.C.H., Ranis G. Agrarianism, Dualism and Economic Development. Center Discussion Paper, No. 2. Yale University, Economic Growth Center, New Haven, CT; 1966. 72 p.
20. Hayami Y., Ruttan V.W. Toward a Theory of Induced Institutional Innovation. *Journal of Development Studies*. 1984;20(4):203-223.
21. Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development. New Haven: Yale University Press; 1958. 217 p.
22. Kuznets S. Modern Economic Growth, Rate, Structure and Spread. London: New Haven and London, Yale University Press; 1966. 529 p.
23. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School*. 1954;22(2):400-449.
24. Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W. Industrialization and the Big Push. *Journal of Political Economy*. 1989;96(5):1003-1026.
25. Nævdal E. New Insights from the Canonical Ramsey-Cass-Koopmans Growth Model. *Macroeconomic Dynamics*. 2020;25(6):1-9. DOI: 10.1017/S1365100519000786.
26. Nurkse R. Problems of Capital Formations in Underdeveloped Countries. Oxford: Basil Blackwell; 1953. 171 p.
27. Reinert E. Development and Social Goals: Balancing Aid and Development to Prevent 'Welfare Colonialism'. TUT Institute of Public Administration, The Other Canon Foundation and Tallinn University of Technology Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics; 2006. 26 p.
28. Romer P.M. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 1990;98(5):71-102.
29. Rostow W.W. The Take-Off into Self-Sustained Growth. *The Economic Journal*. 1956;66(261):25-48.
30. Singer H.W. International Development: Growth and Change. New York and London: McGraw-Hill; 1964. 295 p.
31. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economic Growth*. 1956;70(1):65-94.
32. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation. *Economic Record*. 1956;32(2):334-361.
33. Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. 12th ed. Boston: Pearson Education; 2014. 891 p.

Информация об авторах

А.А. Тютюников – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела экономики АПК и агропродовольственных рынков, Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиал ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр имени В.В. Докучаева», tytnn@rambler.ru.

Т.В. Закшевская – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления в АПК ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I», tvzak@bk.ru.

Information about the authors

A.A. Tiutiunikov, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Research Scientist, Department of Economics of the Agro-industrial Complex and Agri-Food Markets, Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – Branch of Federal Government Budgetary Scientific Institution "Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V.V. Dokuchaev", tytnn@rambler.ru.

T.V. Zakshevskaya, Candidate of Economic Sciences, Docent, the Dept. of Management and Marketing in Agro-industrial Complex, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, tvzak@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 16.06.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after revision 30.05.2022; accepted for publication 16.06.2022.

© Тютюников А.А., Закшевская Т.В., 2022